

УДК 316.74:378

ББК 60.561.9

М 74

В.В. Моисеенко,

соискатель кафедры социологии ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, тел.: 8(8652) 38-45-49, e-mail: leghebokov@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается институт высшего образования как фактор, способствующий социальному перемещению как личности, так и отдельных социальных групп. Обосновывается вывод о том, что высшее образование, являясь гибким социальным институтом, в современных условиях способно своевременно реагировать на потребности социума и способствует повышению активности молодежи в борьбе за конкурентные социальные позиции на рынке труда. Подчеркивается, что в условиях российской действительности люди, имеющие высшее образование, имеют больше шансов на трудоустройство, однако в представлениях работодателей обладание дипломом уже перестает служить определяющим фактом при приеме на работу.

Ключевые слова: образование, трудовые ресурсы, социальная мобильность, социальная структура, социальная динамика, высшее образование, социальные процессы.

V.V. Moiseenko,

Applicant for the Candidate's degree of the Department of Sociology FGAOU VPO «North-Caucasus Federal University», Stavropol, ph.: 8 (8652) 38-45-49, e-mail: leghebokov@yandex.ru

INFLUENCE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION UPON SOCIAL MOBILITY OF PEOPLE IN MODERN RUSSIA

Abstract. The author of the paper considers the institution of higher education as a factor contributing to the social movement of both, a person and certain social groups. The conclusion is substantiated that higher education, as a flexible social institution in modern conditions is able to respond promptly to the needs of society and contributes to the activity of the youth in the struggle for social position in the competitive labor market. It is emphasized that in the conditions of Russian reality people with higher education have a better chance of employment, but now many employers have an idea that possession of a diploma ceases to serve as a determining fact in employment.

Keywords: education, labor resources, social mobility, social structure, social dynamics, higher education, social processes.

Модернизация системы высшего образования современной России, стремление государства приблизить ее к европейским и мировым

стандартам по качественным показателям коренным образом повлияло на структуру и перечень образовательных программ. Появление новых направлений подготовки существенно расширило состав профессий, по которым теперь (по сравнению с предыдущим этапом развития общества) возможно получить высшее образование. Дифференциация специальностей привела к появлению большого числа «узких» программ обучения в российской вузовской системе. Поступление в высшее учебное заведение перестало быть реальным испытанием в связи с появлением негосударственной системы образования и возможности получить образование на коммерческой основе в государственных ВУЗах. Возникли перекосы в количественном соотношении студентов различных направлений подготовки.

Перечисленные тенденции, в полной мере влияющие на общий уровень образованности в государстве, ставят перед социологией ряд вопросов, связанных с изменением роли института высшего образования в процессе социальной мобильности населения и изменении социальной структуры общества. Актуальность данной проблематики усиливается в связи с тем, что массовость высшего образования ставит под сомнение тезис о том, что оно представляет собой своего рода «социальный лифт», благодаря которому отдельный человек или социальная группа может быстро повысить свое социальное положение относительно других. П.А. Сорокин, описывая социальную мобильность личности, причисляет образование к одному из восьми «лифтов», куда, помимо него входит еще армия, церковь, искусство, церковь, СМИ, семья, бизнес [1]. Как пример вертикального перемещения социология традиционно приводит кейс о молодом человеке, выходеце из социальных низов, который благодаря упорству

добивается образования и полученные знания позволяют ему занять привилегированные социальные позиции в общественной иерархии.

Кроме того, П.А. Сорокин выделяет три основные формы мобильности, имеющие универсальный характер: политическая, экономическая, профессиональная. Нас больше интересует, как получение высшего образования влияет именно на профессиональную мобильность, то есть – способствует ли получение знаний в стенах вузов современной России профессиональному росту выпускников по полученной специальности (направлению подготовки).

Статистическая информация по числу студентов вузов России (с учетом Крымского федерального округа) за 2014 год дает следующую картину по количественному составу организаций, осуществляющих подготовку в системе высшего образования. Всего учебных заведений – 950, из них государственных – 548, частных – 402. В них проходят обучение 4405,5 тысячи студентов – в государственных, и 803,5 тысячи – в частных, итого – 5209 тысяч студентов. Надо отметить, что в 2014 году отмечается снижение как общего числа вузов, так и общей численности учащихся. Общий выпуск дипломированных кадров в 2014 году составил 1226,1 тысячи человек. Для сравнения – в 1995 году в 569 вузах страны проходили обучение 2655,2 тысячи студентов, а выпуск составил 328376 человек. Население страны снизилось за это время со 148,3 миллиона человек в 1996 до 143,7 – в 2014 году [2].

Статистика показывает значительное увеличение числа студентов, что, в целом, должно привести к снижению субъективной оценки получения высшего образования. Как показывают результаты проведенного нами опроса, большинство – 87,3% – родителей выпускников школ ставят получение высшего образования в качестве цели

для своего ребенка на период после окончания школы и не видят иных альтернатив [3]. При этом достаточно интересным является факт того, что целью является не определенное высшее образование в виде получения конкретной профессии, а получение высшего образования «вообще», для того, чтобы быть «как все» 75,1% опрошенных родителей. Можно сделать вывод о том, что высшее образование не представляется родителям выпускников школ как способ социального продвижения, а приобретает черты атрибута, необходимого для нормальной жизни в рамках своей социальной группы и своего социального слоя.

Опрос студентов-первокурсников показывает, что значительная часть из них (68,9%) не вполне четко представляет цели собственного обучения в вузе, однако 14,4% имеет достаточно уверенное понимание роли высшего образования в последующей жизни, и только 3,1% первокурсников высказали уверенность, что после окончания вуза смогут существенно улучшить свое социальное положение [4].

Представления первокурсников и родителей показывают в целом отсутствие убеждения в том, что с помощью полученного образования можно совершить быстрое социальное перемещение. Даже сам факт устройства на работу после окончания вуза не рассматривается как зависящий от наличия высшего образования, в качестве наиболее распространенного ответа на блок вопросов, связанных с возможностью трудоустройства, доминируют ответы «по знакомству» (57%), за деньги (18%).

Вместе с тем, с получением высшего образования связывают надежды на улучшение жизни детей 93% родителей, однако эти надежды носят абстрактный характер и не выходят за рамки социального слоя, только 1,4% родителей выразили уверенность, что их дети

пробьются в верхние эшелоны социальной структуры общества. Студенты-первокурсники более оптимистичны, нежели их родители: 12,7% настроены на значительное социальное продвижение за рамки своего социального слоя.

Таким образом, сами студенты-первокурсники и их родители в общем не признают за высшим образованием возможности совершить восходящую мобильность. Как отмечали З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян, «для настоящего времени характерна потребность приобретения не просто образования, а профессионального – вне зависимости от его уровня. Главное – соответствовать инфраструктуре рынка, получить ту профессию, которую можно выгодно «продать» [5; 47]. Причины такого мировоззрения следует искать в реальной практике трудоустройства и трудовой деятельности выпускников вузов. Видимо, в современном обществе отсутствуют частые случаи резкого социального перемещения, что создает отрицание за институтом высшего образования способности быть социальным лифтом.

Действительно, любой социальный лифт способен быть таковым только при массовом характере практики пользования им, что, в целом характерно для системы высшего образования в России, однако для эффективной работы социальные лифты должны быть открытыми, а общество – быть уверенным, что они работают вообще. Кроме того, должен существовать некий набор правил социальной мобильности и четкое понимание критериев отбора. Однако такая ситуация будет являться характерной для высокоразвитых обществ с доминированием высокотехнологичной экономики, где критериями отбора будут являться компетентность претендента, его знания и умения, а не, например, родственные связи. Чем проще экономические отношения, тем больший вес приобретают

как раз последние факторы мобильности, а отнюдь не профессиональные качества личности.

Однако главная причина неработающего социального лифта – негибкость экономики, которая не может вовремя сформировать набор требований к профессиональным знаниям и умениям работника, в результате образование зачастую попросту не понимает, какие компетенции должны формироваться у студентов.

Осознание этой проблемы привело к появлению в образовательных стандартах такого элемента, как «работодатель» – то есть представитель руководства или звена управления организацией-базой возможного профессионального приложения усилий студента, ведущий преподавание в стенах вуза или по месту собственной работы. Замысел разработчиков стандартов видимо, заключался в приближении образования к практике. Хорошая с первого взгляда идея тут же натолкнулась на ряд трудностей: руководители и специалисты предприятий не заинтересованы преподавать в связи с невысокой заработной платой относительно доходов в собственной организации, а преподавательский состав институтов и университетов вынужден при приеме на работу работодателя отдавать часть своей учебной нагрузки, сокращая собственные штаты. Возникает и ряд вопросов с включением представителей работодателей в структуру научного коллектива российских вузов [6; 315].

В ходе эмпирических исследований было выявлено инерционное связывание социального лифта с определенным типом образования. Так, на уточняющий вопрос родителям выпускников школ, которые затруднялась четко указать, на какую специальность будет поступать сын или дочь с просьбой определиться – куда же все-таки будет поступать, ее ребенок отвечали довольно однообразно: «Да на юриди-

ческий, наверное», «На экономический». Других вариантов не было. То есть данная группа подготовки – юридического и экономического профиля, вызывает у многих родителей интерес только в силу стереотипа относительно получения хорошей работы и высокой зарплаты после окончания обучения.

Еще П.А. Сорокин, описывая ситуацию в Америке с выпуском дипломированных специалистов и ускорением динамики подготовки квалифицированных кадров, отмечал: «...это приводит к усилению конкуренции между ними и к трудностям в нахождении соответствующего диплому общественного положения. Все большее и большее число людей вынуждено довольствоваться скромным положением, плохо оплачиваемым и не очень привлекательным... Вместо общественной пользы дальнейшее увеличение числа выпускников университетов... принесет только вред» [7]. Описываемая ситуация чем-то напоминает современную реальность российского общества, когда чрезвычайно мало выпускников вузов устраивается работать по специальности.

Вместе с тем, без получения высшего образования устроиться на работу в условиях современной России довольно непросто – поскольку само наличие диплома стало некоей нормой для работодателя, то его отсутствие является отрицательным признаком, и профессиональные качества человека могут по этому формальному показателю не приниматься в расчет. Логическая цепочка может иметь следующий вид: «Высшее образование доступно, следовательно, каждый нормальный человек должен иметь диплом. Если диплома нет – следовательно, с этим человеком что-то не то, брать его на работу означает некий риск». Однако есть и обратная тенденция – когда работодатель на первое место ставит не «корочку» диплома, а знания и умения претендента на должность. К сожа-

лению, такие случаи не являются общераспространённой практикой, хотя постепенно все большее число управленцев, особенно в реальном секторе экономики, начинает обращать внимание именно на компетенции выпускника вуза.

Ситуация, когда совпадают интересы работодателя в работнике имеющим как высшее образование, так и обладающим уже сформированными навыками профессиональной работы является идеальным условием при приеме на работу. Поскольку именно институт высшего образования закладывает фундамент знаний и умений, социальное продвижение зависит от желания самого человека освоить образовательную программу и через приобретенные знания добиться успеха. В этом смысле, для отдельных индивидов, социальный лифт предоставляет возможности своего использования. Однако массового перемещения, когда в результате потребности экономики усиливается необходимость в определенном виде профессии, ожидать, видимо не стоит. Как отметила М.Г. Бурлуцкая, «высшее образование остается институтом мобильности, но перестает быть лифтом, автоматически перенося-

щим на высшие этажи социальной иерархии» [8; 93].

Высшее образование, выполняя роль активизации творческих способностей и возможностей личности, раскрывая потенциал человека, способствует формированию и развитию деятельного начала индивида. Именно в данном социальном институте посредством действия механизмов отбора и селекции происходит становление той части общества, которая вполне самостоятельно способна добиваться своих целей и не боится трудностей, в том числе – конкуренции на рынке труда.

Обобщая результаты проведенного эмпирического исследования и анализа литературы по теме исследования, можно сделать вывод о наличии влияния института высшего образования на социальную мобильность граждан современной России. Сила же и интенсивность данного влияния обусловлена скорее существующими экономическими и управленческими реалиями с одной стороны, и субъективным отношением населения как относительно института высшего образования, так и в отношении самой возможности совершения социального перемещения.

Примечания:

1. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность / П.А. Сорокин. М.: Директ-Медиа, 2007. 346 с.
2. Использовались данные, размещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
3. Территория опроса – Ставропольский край, число респондентов – 500, пропорциональное распределение респондентов по критерию проживания в сельской/городской местности, целевая группа – родители выпускников школ, метод опроса – формализованное интервью, 2014 год.
4. Опрос проведен среди студентов первого курса «Северо-Кавказского федерального университета», пропорционально по признакам: пол, специальность, место проживания родителей – село/город, 2014 год.
5. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социс. 2002. № 9. С. 47.
6. Сергодеева Е.А. Социально-коммуникативный характер научной деятельности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 6 (45). С. 314–317.
7. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. М.: Директ-Медиа, 2007. С. 30–332.

8. Бурлудская М.Г. Высшее образование как лифт социальной мобильности: ожидания выпускников и реалии современного общества // Социология образования. М.: Изд-во Современного гуманитар. ун-та, 2012. № 9. С. 93.

References:

1. Sorokin P.A. Social stratification and mobility / Sorokin P.A. M.: Direct Media, 2007. P. 346.
2. Data posted on the official website of the Federal State Statistics Service were used <http://www.gks.ru/>
3. The territory of the survey – the Stavropol region, the number of respondents – 500, the proportional distribution of respondents by the criterion of rural / urban areas, the target group – parents of high school graduates, the survey method – formalized interview, 2014.
4. The survey was conducted among first-year students “of the North Caucasus Federal University” proportionally on the basis of gender, profession, place of residence of the parents – the village / town in 2014.
5. Golenkova Z.T., Igithanyan E.D. Wage earners. Some features of the emerging class. // Z.T. Golenkova, E.D. Igithanyan / Sotsis 2002, No.9, P. 47.
6. Sergodeeva, EA Socio-communicative nature of scientific activity //Sergodeeva E.A. / Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2014. No.6 (45). P. 314–317.
7. Sorokin P.A. Social stratification and mobility / P.A. Sorokin. M.: Direct Media, 2007. P. 30-332.
8. Burlutskaya M.G. Higher education as social mobility lift, expectations of graduates and realities of modern society //M.G. Burlutskaya / Sociology of Education.M.: Publishing House of Modern University of the Humanities, 2012. No. 9. P. 93.